

ВПЕРЕДЬ

Российская Социал-демократическая Рабочая Партия

Пролетарии всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ЖЕНЕВА.

1 мая

ИЗДАНИЕ ИДЕЙНОЙ ГРУППЫ „ВПЕРЕДЬ“

1916.

ПЕРВОМАЙСКІЙ ЛИСТОКЪ

ПЕРВОЕ МАЯ 1916 ГОДА.

Товарищи!

Съ этимъ священнымъ словомъ не можемъ мы обратиться ко всѣмъ, кто именуетъ себя соціалдемократомъ. Увы! Не всѣ соціаль-демократы намъ теперь товарищи. Многие изъ нихъ стали намъ страшными врагами. Кровавые рубцы протянулись по лицу Интернаціонала,

Но да не подумаетъ читающій эти строки, что мы говоримъ о полихъ битвы, о линіяхъ траншей, разорвавшихъ пролетаріатъ. Страшно это, но еслибы по прошествію почти двухъ лѣтъ съ начала войны только эти разъединяющіе настъ границы ощущались бы на единомъ во всемъ остальномъ сердцѣ рабочаго класса — было бы полгоря. Не долго терпѣли бы мы бойню, въ которую втянули настъ наши эксплуататоры. Мы уже примирились со стыдомъ и срамомъ того факта, что, застигнутые врасплохъ, не сумѣли наложить грозное „вето“ на войну въ самомъ ея началѣ. Да, мы вполнѣ примирились бы съ этимъ тяжелымъ ударомъ нашей революціонной гордости, еслибы чувствовали, что теперь, одумавшись, пролетаріатъ уже сознаетъ свое единство и всю тяжесть преступленія, одинаково ложащуюся на правительства всѣхъ странъ.

Но этого нѣть, дорогіе товарищи! Этого нѣть! Не нѣмецкій рабочій врагъ русскому, не австрійскому — итальянскому и т. д. Внутри соціалистической партіи каждой страны находится иной, болѣе рѣзко и непримиримо очерченный фронтъ.

О, какъ многіе изъ печальныхъ героевъ траншейбросились бы другъ къ другу съ объятіями, послѣдовали бы совѣту истиннаго героя этихъ черныхъ дней мужественнаго Карла Либкнехта, крикнувшаго ини съ трибуны самого имперіалистскаго рейхстага; „Обратите ваше оружіе противъ врага въ своей собственной странѣ!“ Какъ быстро сплавились бы пока враждебные полки, если бы въ каждой пролетаріатѣ проклятой силой не поднялся собственный адловитый шовинизмъ!

Ни граziи первыя хитрыхъ газетчиковъ, ни револь-

веры офицеровъ не удержали бы солдатъ, по крайней мѣрѣ солдатъ, озаренныхъ соціалистической совѣтостью, отъ взаимного братанья, котораго робкія начали имѣть мѣсто еще на Рождество 1915-го года. Ни полицейскіе окрики, ни уговоры Бетмановъ и Милковыхъ не удержали бы рабочихъ отъ порыва бросить гнусную работу по изготовлению человѣкоубийственныхъ машинъ! Ни угрозы, ни убѣжденія не остановили бы изстрадавшихся женщинъ городской бѣдноты, взять на руки своихъ чахнущихъ младенцевъ, пойти на площади, къ окнамъ дворцовъ и парламентовъ съ ничѣмъ не заглушаемымъ воплемъ о мире.

Но есть одна сила, которая мѣшаетъ всему этому. Эта сила живеть въ груди самого пролетаріата. Самъ пролетаріатъ одержимъ демономъ, который затыкаетъ ему уши, чтобы не слышать онъ голоса правды, смыкаетъ уста его, чтобы онъ не протестовалъ противъ преступленія. Да, двѣ души живутъ въ тѣлѣ единаго пролетаріата. Врагамъ удалось отравить соціалистическое сознаніе. Подъ грохотъ пушечныхъ канонадъ, подъ стоны умирающихъ, подъ трескъ испепеленныхъ городовъ и деревень, подъ плачъ лишенныхъ крова бѣженцевъ — изверги, которые являются виновниками этого ада, съ новой силой подняли проповѣдь давно уже направленную къ рабочимъ: твой настоящій врагъ заграницей, тамъ куютъ козы противъ тебя, замышаютъ накинуть петлю на твою родину, на ея экономическую жизнь, подрѣзать корни ея благосостоянія и осудить тебя и всѣхъ твоихъ на жалкую гибель.

И въ то время, какъ русскіе апостолы самозащиты указываютъ при этомъ на нѣмцевъ, нѣмцы, говоря точь въ точь тоже самое, указываютъ на русскихъ.

О, еслибы пролетаріатъ каждой страны заключенъ былъ глухими стѣнами, каждый въ особую залу, не слыша旣 бы того, что говорится въ другой, и не могъ бы говориться съ товарищами по ту сторону границы. Стыдъ настъ былъ бы меньшимъ. Но этого нѣть. Мы были организованы въ единый Интернаціоналъ, мы тысячу разъ имѣли случай сравнивать злыя рѣчи шови-

нистовъ всѣхъ странъ. Какъ же могли мы поверить безмыслицѣ о томъ, что „всѣ защищаются!“ Какъ могутъ иѣмцы-рабочіе вѣрить, что ихъ отечество ведеть войну священной обороны, въ то время, какъ англійские рабочіе также свято вѣрять, что Англія защищаетъ себя и міръ отъ алчности Германіи? Неужели они уже не въ силахъ видѣть, какъ выгодно для буржуазіи каждой страны развернуть ложное знамя обороны, чтобы разъ навсегда заставить пролетаріатъ признать себя пушечнымъ мясомъ для безотвѣтственныхъ генераловъ и дипломатовъ, въ которыхъ воплощается эта обманная „оборона“, это ложное „отечество“?

Путемъ страшно долгой, хитрой, вкрадчивой работы проникаль бѣсъ иѣзанскаго націонализма въ сердца рабочихъ. Ему имя до войны было — реформизмъ.

Соціаль-реформизмъ училъ: „пролетаріатъ каждой націи борется на почвѣ особой политической, культурной, экономической дѣйствительности. Его благосостояніе зависитъ отъ благоустройства того государственного цѣлага, къ которому онъ принадлежитъ, и въ которомъ ему дано право слова. Вотъ тутъ его реальная работа, тутъ, въ заботѣ о процвѣтаніи національного хозяйства и въ борьбѣ за увеличеніе своей доли въ его плодахъ.“

Да, но это національное хозяйство посюду хищническое, посюду покоится на эксплоатации. Во всѣхъ крупныхъ державахъ оно выжимаетъ поть и кровь изъ тѣхъ или другихъ обираемыхъ покупателей, зависимыхъ и угнетаемыхъ націй, или съ звѣрской жестокостью изнуряемыхъ колоній. Долженъ ли пролетаріатъ принять все это? — Развѣ вы не помните, что реформисты на Штуттгардскомъ конгрессѣ требовали отъ Интернаціонала, чтобы онъ отвѣтилъ: „да, долженъ!“

Но слишкомъ трудно было ждать, чтобы рабочій призналъ себя въ правѣ поддерживать своего капиталиста въ его открытыхъ хищническихъ набѣгахъ. Реформисты однако успѣли втереться къ рабочему съ иной стороны: „Капиталистъ — хищникъ?“ спрашивали они. — „Хищникъ“, отвѣчалъ рабочій. „Великія державы — это шайки имперіалистовъ, готовыхъ обрушиться на сосѣдей? — Истина. — „Въ такомъ случаѣ ты понимаешь, среди какихъ опасностей живешь и насколько утопична привычка соціалистической партіи голосовать противъ милитаризма. Пока ѡе грянулъ громъ — вы вѣрны были этому правилу, но не ясно ли, что каждый изъ васъ почетъ своимъ первымъ и естественнымъ долгомъ защитить отечество, если оно подвергнется нападенію одного изъ хищныхъ сосѣдей? И вотъ испытанный вождь рабочихъ, Августъ Бебель, отвѣчаетъ на это: „Конечно, я первый въ этомъ случаѣ взялъ бы ружье и пошелъ на границу“. Напрасно политическая мудрость устами Каутского гласила, что всякому правительству всякую войну легко будетъ представить, какъ оборонительную. Проходя мимо этого, рабочій Интернаціональ, вѣѣтъ съ революціонерами, обѣщаю безпощадную борьбу противъ войны, тѣмъ же духомъ устѣ, вѣѣтъ съ реформистами и въ духѣ ихъ ученія, признавалъ обяза-

тельной защиту отечества каждымъ пролетаріатомъ? И подъ защитой отечества разумѣлась не общая борьба всѣхъ пролетаріевъ въ полномъ единству и согласіи противъ того строя, который по существу своему не можетъ не угрожать сегодня одному, завтра другому отечеству, нѣтъ, — подъ этимъ разумѣлось, что если дипломатамъ удастся подать войну подъ такимъ соусомъ, что она можетъ сойти за самооборону, то пролетаріатъ долженъ заключить немедленный союзъ со своими эксплуататорами и со своими властями и выступить въ походъ противъ чужой арміи, включающей въ себя такихъ же пролетаріевъ, такъ же точно обманутыхъ!

Жоресъ незадолго до своей смерти — несмотря на то, что онъ, какъ реформистъ, стоялъ на той же ошибочной точкѣ зреїнія обязанности защищать отечество подъ руководствомъ отечественныхъ генераловъ — тѣмъ не менѣе, въ силу своего огромнаго революціоннаго темперамента и практическаго генія, началъ титаническую работу, организуя наспѣхъ интернаціональный аппаратъ, который свою интернаціональную информацію, свою правду, свою волю, воплощающую душу всего соціалистического пролетаріата, смогъ бы противостоять разноязычной лжи, разноязычному преступленію дипломатовъ. Но уже было поздно.

И вотъ до сихъ поръ реформисты во всѣхъ странахъ продолжаютъ доказывать пролетаріату, что каждый шагъ къ истинному боевому сближенію его съ пролетаріями другихъ странъ ослабляетъ отечество въ его роковой борьбѣ, что каждый энергичный протестъ противъ войны и каждое требование мира — есть нападеніе съ тылу на собственныхъ товарищѣ, изнемогающихъ въ оборонительной борьбѣ на поляхъ битвы!

Намъ говорятъ, что не всѣ оппортунисты-реформисты держатся такого взгляда, что иные соціалисты революціоннаго крыла оказались жертвами военныхъ увлечений. Но это не можетъ измѣнить дѣла въ его существѣ. Пусть тотъ или иной реформистъ, увидя къ чему въ концѣ концовъ привела проповѣдь борьбы на національной почвѣ, въ мирныхъ парламентскихъ формахъ за мелкія, данныхъ страной, ограниченные цѣли, пусть такой реформистъ съ ужасомъ отринулъ отъ зрища, подготовленнаго имъ и его товарищами, союза пролетаріевъ съ собственной буржуазіей для слегка лишь замаскированнаго имперіалистического хищничества, пусть тотъ или иной, считавшій себя революціонеромъ, внезапно оказался жертвой проснувшихся въ немъ націоналистическихъ инстинктовъ — сути дѣла это не менѣе: есть два пути у пролетаріата: лутъ революціонной борьбы за соціализмъ, на которомъ его собственное правительство, его собственная буржуазія являются для него первымъ и самымъ страшнымъ врагомъ, на которомъ нѣтъ у него товарища ближе и дороже, чѣмъ братъ пролетарій всякой другой страны; и лутъ словара со своими эксплуататорами на предметъ процвѣтанія своего государственного производства цѣною эксплуатации другихъ народовъ. Оборона отечества есть лишь

маска на лицѣ этого второго хищническаго посуществу пути, который совершенно должно именуетъ себя социалистическимъ. Рабочій долженъ выбирать: если онъ социалистъ, онъ интернационалистъ, и съ разгромомъ своей собственной страны онъ можетъ бороться только такъ же, какъ съ разгромомъ любой другой: не въ арміи царей, но въ международной рабочей арміи. Если же онъ националистъ, если онъ, при какихъ бы то ни было условіяхъ, считаетъ возможнымъ подъ верховнымъ руководительствомъ кайзеровъ и канцлеровъ, царей и министровъ дратиться съ другимъ народомъ — онъ ни въ какомъ случаѣ не социалистъ, онъ въ лучшемъ случаѣ желанный членъ националь-либеральной рабочей партии.

Наша страшная бѣда именно въ томъ, что очень многие среди социалистической интеллигенціи оказались окончательно такими националь-либералами, но либо не понимаютъ этого, либо по расчету оставляютъ на себѣ личину социаль-демократовъ. Наша бѣда въ томъ, что въ теченіе годовъ проникалъ этотъ ядъ въ самую гущу пролетариата и что въ тамъ, частью на основѣ нѣжества, еще сильного среди темныхъ слоевъ рабочаго класса, частью на основѣ группового эгоизма, захватывающаго иногда нѣкоторые обмыщанившіеся элементы квалифицированныхъ рабочихъ, онъ свилъ себѣ гнѣздо и приобрелъ болѣе или менѣе многочисленныхъ сторонниковъ.

И цѣлые толпы рабочихъ, цѣлые группы партійныхъ руководителей мечутся между революціонерами и националистами внутри нашей собственной партіи и, ради химеры единства между силами, явно устремленными въ противоположны стороны, мѣшаютъ торжеству ясности въ нашихъ мысляхъ и нашихъ дѣлахъ.

Тоже происходитъ и въ Россіи. Въ первое время, когда одна часть нашихъ депутатовъ была сослана на каторгу за свой аркій интернационализмъ, а другая, съ совершенной опредѣленностью протестуя противъ войны, отказалась царскому правительству въ военномъ бюджетѣ, можно было думать, что русскій пролетариатъ — въ силу самой свирѣпости своего правительства, самой отсталости политическихъ формъ жизни своей страны — менѣе способный поддаться соблазну басни обѣ общено-родной войнѣ — остался вѣренъ знамени Интернационала.

Но вотъ къ кучкѣ социаль-патріотовъ заграницей стали присоединяться голоса видныхъ литераторовъ, представителей правой половины нашей партіи; но вотъ стали замѣтны колебанія въ одномъ изъ нашихъ крупныхъ центровъ, въ Организаціонномъ Комитетѣ; но вотъ выяснилось, что меньшевики въ союзѣ съ социаль-патріотами сорвали опредѣлившуюся въ началѣ побѣду интернационалистовъ въ Петроградѣ; выяснилось, что рабочіе пошли въ ловушку военно-промышленныхъ комитетовъ, что одинъ за другимъ, до тѣхъ поръ какъ будто интернационально мыслившіе, представители того же теченія съ разными оговорками стали протягивать руку фактическому союзу со своей буржуазіей, а черезъ нее — косвенно — со своимъ правительствомъ. Положеніе въ Россіи за это время такимъ образомъ ухудшилось.

Оно не многимъ улучшилось и на западѣ. Секретарь интернац. бюро Гюисманъ дѣлаетъ попытки возсоздать распавшійся Интернационалъ. Какія жалкія попытки! Начиная свою работу, этотъ бывшій товарищъ распаркивается сперва съ буржуазіей ведущихъ войну странъ и завѣряетъ ее, то онъ ни на одну минуту не предполагаетъ бороться за прекращеніе войны! Страшный фактъ рѣзни между пролетаріями онъ считаетъ вешью вполнѣ правильной и естественной. Онъ желалъ бы только, чтобы социалисты враждующихъ странъ смогли уже сейчасъ переговорить между собою обѣ условіяхъ мира, когда правительствамъ угодно будетъ признать, что крови пролито довольно. И что же! — Даже это скромное начинаніе встрѣтило сердитый отпоръ со стороны французскихъ социалистовъ.

Единственный свѣтлый пятно на этой мрачной картинѣ является та пока еще зачаточная организація международныхъ социалистовъ, основы которой положила Циммервальдская конференція. Къ ней примкнули всѣ тѣ социалисты, которые дѣйственно хотятъ вступить въ прямую войну съ войной. Изъ офиціальныхъ партій странъ, ведущихъ войну, только Італія и Россія представлена тамъ. Въ большинствѣ случаевъ делегаты этой конференціи представляли лишь оставшіеся вѣрными Интернаціоналу меньшинства. Такоже будетъ и на слѣдующей конференції. Но меньшинства эти растутъ.

Товарищи! Мы знаемъ: когда пройдетъ злое очарованіе войны, — сотни тысячъ пролетаріевъ, сейчасъ ошеломленныхъ событиями, отхлынутъ отъ социаль-патріотизма, такъ что мы не боимся никакого раскола: пролетариатъ не можетъ надолго оказаться въ националистическомъ пѣнѣ. Но дѣло идеть не обѣ этомъ. Честь пролетариата, его будущее, задача сохраненія тысячу и тысячу жизней, все связано съ тѣмъ, сможемъ ли мы еще во время войны достаточно грозно поднять нашъ голосъ, не какъ голосъ французскихъ, нѣмецкихъ или русскихъ рабочихъ, а какъ общий голосъ пролетариата всего міра.

Такова должна быть наша цѣль повсюду. Такова должна быть наша цѣль и въ Россіи. Пусть оправдываютъ надежды, которыя въ началѣ войны возлагались на насъ, русскихъ социалистовъ. Пусть русскій рабочій чувствуетъ себя прежде всего не русскимъ рабочимъ, а рабочимъ вообще, міровымъ пролетаріемъ, членомъ международного братства, которому всѣ эксплоататоры одинаково ненавистны, всѣ эксплоатируемые одинаково близки. Такому рабочему не можетъ быть иѣста въ военно промышленныхъ комитетахъ. Такой рабочій ведеть вокругъ пропаганду за пролетѣрь своей собственной великой державы — Интернаціонала — противъ всѣхъ другихъ великихъ державъ. Такой рабочій стремится узнать и передать другимъ все, что дѣлается въ этомъ направлении во всемъ мірѣ. Его сердце бьется иѣстѣ съ сердцемъ сильного и вѣрного Карла Либкнехта, съ сердцами тѣхъ рабочихъ, которые привѣтствуютъ его, которыхъ выражителемъ о旎 является, съ сердцами всѣхъ, кто, собравшись вокругъ вновь поднятаго крас-

наго знамени, подготавлиают самые энергичные, дружные, во всѣхъ странахъ одновременные протесты и демонстраціи противъ войны. Эти протесты, разъ начавшись, "стапутъ рости, какъ страшная лавина, и обрушатся на головы запутавшихся правителей, длящихъ бойню и, за неимѣніемъ другихъ рѣшительныхъ побѣдъ, преждевременно празднующихъ свою побѣду надъ живымъ духомъ международного соціализма.

За дѣло, товарищи! Пусть это первое мая дастъ новый толчокъ возрожденію нашей революціонной интернациональной борьбы противъ страшного преступного порядка, породившаго войну и купающаго въ крови.

Долой войну!

Да здравствуетъ Новый Интернационалъ!

Да здравствуетъ Соціализмъ!

ЖЕНЩИНЫ! ПРОЛЕТАРКИ ВСЕГО МИРА!

Первое мая наступило. Вспомните первое мая. День вашего торжества, праздникъ единенія пролетаріевъ всѣхъ странъ. День, въ который вы гордились вашими мужьями, сыновьями, братьями и вѣрили въ ихъ побѣду надъ врагомъ человѣчества — капиталомъ.

Но вслушайтесь! — Откуда несетсѧ этотъ грохотъ... Откуда, замирая, долетаютъ эти вопли... Въ нихъ столько упрека за обманутыи надежды! Вспомтитесь въ разг҃ѣ наступающаго утра! — Почему розовая зара вашего лучшаго будущаго затмилась черными тучами, въ которыхъ краснѣющими пламенемъ горитъ смерть и пожар?

Женщина, да вѣдь это твой сынъ убиваетъ моего сына... Посмотри, какъ жестоки ихъ лица, ты почти не узнаешьъ близкаго тебѣ... Какой слѣпой яростью горятъ его глаза, полны свѣтлого мужества когда то въ день первого мая. Вотъ твой сынъ паль. Но я не радуюсь, мать! Пусть погибнетъ и мой. Вѣдь это онъ убилъ его. Какъ посмотрѣть, что отвѣтить онъ мнѣ, когда я спрошу его: „Каникъ, гдѣ братъ твой“?

Черный туманъ окуталъ твой домъ, женщина-пролетарка, въ день первого мая. Почему не одѣваешь ты дѣтей твоихъ въ праздничное платье? Вѣдь и сейчасъ въ этотъ годъ, сознайся, потихоньку въ безсонныхъ ночи, измученная каторжной работой на фабрикѣ, ты шила его, о чёмъ то мечтая, нашивая красную ленту на передникъ твоей дѣвочки?

Почему же опустила ты свои глаза, женщина, сегодня утромъ, въ утро первого мая передъ чистымъ вопросающимъ взглядомъ твоего ребенка, тоже мечтавшемъ о своемъ праздничномъ платьѣ?

Да женщина, ты должна сказать это: — „Его отецъ убийца своего брата. Онъ забылъ свой пролетарскій и человѣческій долгъ, и, какъ ослѣпшій безумецъ, рубить на куски свою жену. А ты — ты допустила это. Вчера, когда твой синичка поссорился съ сыномъ сосѣда, ты торопливо сказала: „Поглѣйтесь скорѣе, и вы опять будете любить другъ друга“. Но когда ты видѣла своего мужа, проходившаго по улицѣ въ солдатской одеждѣ

со штыкомъ на плечѣ, ты не крикнула: „Остановись, убей же сначала меня и моего ребенка. Начни съ насъ“! Нѣтъ, съ тупой болѣю въ сердцѣ ты покорилась. Да покорилась... Страху смерти за твоего мужа подчинила ты свое отвращеніе къ убийству, покорилась нищетѣ, услужливо вползшей въ твой домъ и пирующей теперь съ наглымъ хохотомъ. Ты впустила даже ненависть, тебѣ совсѣмъ неприсущую, въ твое материнское сердце. Ненависть къ такой же какъ ты замученной матери и женѣ... Сознайся, что былъ день, въ который не дрогнуло твое сердце, когда ты прочитала о жестокостяхъ, творимыхъ озвѣрѣвшими солдатами — твоими братьями, твоими мужьями, твоими сыновьями — надъ дѣтьми твоихъ сестеръ.

Женщина, первое мая пришло! День, въ который на кликъ любви отвѣчалъ призывно кликъ миллиона рабочихъ сердецъ: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“ Разбейте оковы капитализма! Счастье человѣчеству принесете вы!

Женщина, ты смущена и краснѣешь. Слезы стоять въ твоихъ глазахъ. Можно ли вѣрить послѣ того, что случилось, — и ты смолчала? Ты не привыкла судить. Ты привыкла съ робостью смотрѣть на себя, почти какъ не на человѣка.

Ты привыкла повиноваться? Воспріянь женщина и суди! Въ этотъ день... твоихъ разбитыхъ упований.

Въ эту страшную не пасхальную ночь на первое мая, ночь смерти и распятія многаго дорогого для тебя, въ эту ночь отчаянія — вынеси судъ твой надъ измѣнившими рабочему братству. Суди свое терпѣніе и покорность, суди демона рабства въ твоей душѣ и въ душахъ, которые должны были бы быть уже освобожденными. Распиши себя за свое молчаніе, распиши твоего мужа, отдай на распятіе самого дорогого тебѣ человѣка за измѣну своему дѣлу. И въ утро первого мая воскресни съ новой душой, испившей чашу скорби до дна. Но несрѣбѣшь передъ этимъ. Воскресни въ сіяніи мужества и самосознанія. Преврати стоны покорнаго сердца въ гремящій рогъ призывающій къ поламъ битвы: „Въ братскія объятья, вы, дѣти одного отца, искупленія человѣчества. Конецъ враждѣ и ослѣпленію! Пусть будетъ воскресеніе твое, о женщина, многомилліоннымъ крикомъ: „Миръ, Миръ...“ Товарищи браты!

Мы родившія васъ, мы ваши матери, вскормившія васъ среди страданій, мы требуемъ мира между нашими дѣтьми — пролетаріями всего мира.

Спалимы революціонно-соціалистическимъ сознаніемъ и интернациональной организаціей, вы сможете развернуть свое красное знамя борьбы противъ общаго нашего врага капитализма, породившаго эту преступную бойню, за великое будущее — соціализмъ.

„Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“

Адресъ для спешеній только изъ за-раницы:

Club Russe. Case Plainpalais. Genève. Suisse.

(Для „Впередъ“)